

Редер Эрих

**Гросс-адмирал
Воспоминания командующего
ВМФ Третьего рейха
1935-1943 гг.**

УДК 882
ББК 84(7Coe)
P33

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2004 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Редер Эрих
P33 Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ
Третьего рейха. 1935—1943 гг. / Пер. В.Д. Кайдалова. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 489 с. — (За линией
фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-521-85455-4

Автор книги — гросс-адмирал Эрих Редер, стоявший во главе ВМФ Германии с января 1935 года до января 1943-го. Описывая свой жизненный путь, он особое внимание уделяет периоду Первой и Второй мировых войн. В книге рассказывается о политической ситуации в Германии накануне прихода к власти нацистов, о взаимоотношениях военного руководства флота с нацистской партией и политических деятелях этого режима.

УДК 882
ББК 84(7Coe)

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
© Художественное оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф», 2004
ISBN 978-5-521-85455-4

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В своем вступлении к книге «По другую сторону холма» британский военный писатель Лиддел Харт приводит такой эпизод из жизни фельдмаршала лорда Веллингтона. Во время путешествия лорд Веллингтон и его знакомый коротали время за разгадыванием, какого рода местность может оказаться по другую сторону каждого встречающегося им на пути холма. Когда спутник лорда выразил свое удивление от того, что суждения Веллингтона всегда оказывались верными, последний ответил: «Всю свою жизнь я пытался понять, что лежит по другую сторону холма».

В обычной жизни достаточно трудно представить себе истинную картину того, что лежит по другую сторону холма, который закрывает нам вид. Но еще труднее представить себе, что лежит по другую сторону той непреодолимой горы, которая отделяет настоящее от будущего. Мы живем и действуем ради будущего, пытаюсь угадать его в самых общих чертах, но и это чаще всего бывает трудно. Человеку не дано знать, что уготовила ему судьба. Поэтому все наши деяния отмечены печатью несовершенства. Человек, бросающий взгляд на пройденный им путь с другой стороны холма, видит вещи в совершенно другом свете. То, что раньше представлялось неясным, видится совершенно отчетливо. То, что некогда было неразрешимой проблемой, теперь находит вполне четкое решение. Вещи, которые раньше казались незбылемыми, рассеиваются как мираж. Другие, которые были когда-то совсем

не важными или даже забылись, теперь обрели всю свою значимость. Взгляд в прошлое разительно разнится с попыткой проникнуть зрением в покрытое вуалью будущее.

Ныне мы стоим по другую сторону холма. Впервые мы можем осознать куда более ясно и четко, что было верно и что — неправильно. Появление этой книги связано с желанием внести свой вклад в познание прошлого. В ней нет никакого соперничества с теми авторами, которые, основываясь на вновь открывшихся источниках, воссоздают в серьезных трудах историю Германии за последние полвека. Я лишь хочу внести свою скромную толику знания в выполнение этой задачи.

Вполне возможно, что взнос мой будет весьма и весьма скромным. Офицер, который, в соответствии с традицией и своим личным пониманием, всегда рассматривал себя как слугу вооруженных сил и государства, не может ощущать себя компетентным обсуждать исторические события своего времени иначе, как через узкую призму своего собственного опыта. А я был моряком и солдатом, но никак не политиком. Мои многочисленные заметки дают мне, однако, возможность рассказать о событиях прошлого, их эволюции и связанных с ними мыслях — в том числе и об ошибках, которые мы ныне признали, — с точки зрения того времени. Десять лет заключения в тюрьме Шпандау были благодеянием в том смысле, что они сэкономили мою память от неразберихи внешнего мира.

Для военно-морского флота и для меня — в качестве его главнокомандующего — в период между двумя мировыми войнами не было более важного политического события, чем заключение англо-германского военно-морского договора 1935 года. Он означал конец периоду германского плена, который начался Версальским миром. Первая часть этой книги описывает мою службу на флоте вплоть до этого времени; вторая ее часть посвящена развитию событий после 1935 года. Обе части представляют собой неразрывное целое.

Рост военно-морского флота, начавшийся в 1935 году, и многочисленные мои служебные обязанности и достижения, связанные с ним, особенно во время войны, невозможно описать во всей их полноте. Эта задача должна быть отложена до той поры, когда станут доступными все

данные, и выполнена людьми, располагающими большим временем, чем его осталось у меня.

При работе над этой книгой мне оказали неоценимую помощь мои многочисленные старые друзья и товарищи. Будет несправедливо выделить персонально кого-либо из них, поэтому я приношу мою сердечную благодарность всем им. Но я считаю своим долгом поблагодарить адмирала в отставке Эриха Ферсте, моего старого и преданного сотрудника в течение многих лет, за то время и силы, которые он вложил в доработку этого издания. Он самоотверженно держал свои взгляды и интерпретации событий на заднем плане, предоставляя мне возможность быть на виду. Книга эта является всецело моей собственной, и я несу всю ответственность за ее содержание.

Моя жизнь обильно дарила меня своими благами, но и трудностями, а также и трагическими событиями, порой даже чересчур. Не кривя душой, могу сказать, что она была исполнена трудами и заботами. И все же, оглядываясь назад, несмотря ни на что, я благодарен судьбе за то, что с ранней юности я работал среди замечательных людей, товарищем которых я был. Если этой книгой воспоминаний я смогу хоть в какой-то степени уберечь их от забвения, я буду счастлив, что на закате своей жизни выполнил свой последний человеческий долг.

Эрих Редер

Киль, 1957 год

Глава 1

НАЧАЛО СЛУЖБЫ НА ФЛОТЕ

Поступить на службу в военно-морской флот да и, сказать по правде, вообще выйти в море я в свои детские и юношеские годы даже не помышлял. Мой отец, Ганс Редер, был преподавателем французского и английского языков гимназии Маттиаса Клаудиуса в местечке Вандсбек под Гамбургом, где я и родился 24 апреля 1876 года. Мой дед тоже был учителем, владельцем частной школы. Моя мать, Гертруда Хартманн, была дочерью придворного музыканта Альберта Хартманна.

Жалованье молодого преподавателя гимназии было не таким уж большим, так что нашей семье приходилось экономить, чтобы дать образование мне и двум моим братьям. Но эти уроки экономии стали для нас хорошей школой, в раннем возрасте научив довольствоваться малым и считать каждый пфенниг.

В домашней атмосфере царила дисциплина, смягченная искренней любовью. Страх перед Богом, любовь к правде, чистота — таковы были принципы, впитанные нами с детства. Я до сих пор помню, как усердно мой отец растолковывал мне важность посещения церкви и значение церковной службы перед тем, как я впервые отправился вместе с ним и с матерью в нашу церковь в Вандсбеке.

В школьные годы мои братья и я доставляли мало хлопот нашим родителям, потому что всем нам учеба давалась достаточно легко. Наш отец учил нас плавать и кататься на лыжах, а наша мать, получившая прекрасное музыкальное образование, давала нам уроки музыки.

Учеба перемежалась частыми поездками, причем не только по городам Германии, но и на природу: в леса и на

море. Мы хорошо изучили Гамбург и его порт, а также Саксонский лес, где находился замок Бисмарка. В 1888-м и 1889 годах мы побывали на пляже в Тиммендорфе, где тогда стояло только шесть домов, и в Травемюнде, на Балтийском море. В гавани города Любека я впервые в жизни увидел военный корабль, учебный корвет «Москит». Это единственный военный корабль, который я видел до начала своей службы на военно-морском флоте. Мы даже побывали на борту «Москита», что не произвело на меня совершенно никакого впечатления.

В 1889 году, когда мне было тринадцать лет, отец мой был довольно неожиданно назначен заведующим гимназией Фридриха-Вильгельма в городе Грюнберге, что в Силезии. Такое повышение было признанием его успехов в преподавании, ставших частично следствием его долгих стажировок в Англии и Франции. Но для меня переход от программы классической гимназии Вандсбека к более прагматической школе в Грюнберге был связан с определенными трудностями. И хотя я опережал своих новых соучеников во французском языке и латыни, но года на полтора отставал от них в английском и математике. Однако четыре недели усиленных занятий под руководством отца летом на пляже позволили мне догнать их в английском, а преподаватель математики в Грюнберге за еще более короткий срок помог заполнить мои пробелы в геометрии.

Перемена в окружающей меня среде была еще больше, чем перемена в учебной программе. Помимо общей разницы в культурном уровне, я оказался еще и в другой языковой среде — здесь говорили на другом диалекте, что порой становилось изрядной проблемой. Но даже эти трудности со временем исчезли. Мы обжились в нашем новом доме и обнаружили, что пешие прогулки по местным холмам ничуть не менее интересны, чем изучение бухт и пляжей балтийского побережья.

За время учебы в Грюнберге многое мне дал доктор Леедер, молодой профессор, преподававший нам географию и историю. В его изложении история буквально оживала перед нами, причем не только военные события наполеоновского периода и Франко-прусской войны, но события современной политической истории. Я так высо-

ко ценил его уроки и нашу дружбу, что навещал доктора Медера вплоть до его восьмидесятипятилетнего юбилея, наступившего накануне Второй мировой войны, когда я в очередной раз посетил могилы моих родителей, умерших в 1932 году.

Кульминацией учебного года в Грюнбергской гимназии была загородная прогулка в Одетвальд, которую все ученики школы совершали каждое 2 сентября. В таких вылазках принимали участие и многие из бывших учеников нашей гимназии вместе со своими семьями. В программе этого пикника была речь лучшего ученика школы, множество игр и спортивных соревнований, а потом общие танцы всех присутствовавших. Заканчивалось все факельным шествием в город.

После окончания гимназии планировалось, что я буду поступать в университет; у меня были в то время довольно неопределенные намерения стать врачом, военным хирургом. Но для этого надо было хорошо знать латынь и греческий язык. Поэтому я стал брать частные уроки латыни и греческого, восполняя свои пробелы в этих языках.

Во время последнего года, проведенного мной в стенах гимназии, я выиграл на одном из конкурсов книгу. Ее автором был адмирал фон Вернер, описавший кругосветное путешествие принца Генриха Прусского в бытность его курсантом военно-морского училища. По всей книге были рассыпаны подробные описания восхитившей меня повседневной жизни на борту парусного фрегата. Весь год я читал и перечитывал эту книгу, пока не выучил наизусть все подробности жизни курсантов военно-морского флота на борту судна.

Определила ли мое решение эта книга, или то была судьба, я так и не знаю. Но в марте 1894 года, всего за две недели до выпускного экзамена в гимназии, я вошел в кабинет моего отца и сообщил ему, что я не желаю изучать медицину, но хочу поступить в военно-морской флот. Я попросил моего отца направить заявление в Oberkommando der Marine (Главное управление военно-морского флота) о зачислении меня в военно-морское училище, присовокупив к нему копию моего школьного аттестата.

Такое неожиданное изменение планов озадачило бы большинство других родителей, поскольку весь склад моего характера не соответствовал профессии, требующей таких больших физических нагрузок. Во время занятий физкультурой в школе мне лишь с напряжением всех сил удавалось получать неплохие отметки. Однако мой отец всегда с большим уважением относился к моим решениям, поэтому он тут же, как я его и просил, отправил заявление в Главное управление военно-морского флота, несмотря на то что срок для представления подобных заявлений уже истек в начале октября прошлого года. Удивительно, но на это заявление почти немедленно был получен ответ с требованием пройти медицинскую комиссию в уланском полку в городе Цулликау и быть готовым прибыть в Киль 1 апреля, то есть уже меньше чем через месяц.

Медицинскую комиссию я прошел без всяких проблем, но поездка через всю Германию из Силезии в Киль и пребывание там вместе с десятками других кандидатов в моряки, среди которых у меня не было ни одного знакомого, стали для меня тяжким испытанием. За всю свою жизнь я редко покидал дом в одиночку, а все эти энергичные незнакомцы съехались со всей Германии, причем на удивление много — из Баварии.

ОБУЧЕНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОМ ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ, 1894—1897 ГОДЫ

По прибытии в Киль мы были временно размещены в мансарде военно-морского училища. Сразу же началось обучение, причем первые шесть недель шли обычные строевые занятия. Их вел лейтенант морской пехоты фон Ойдитман, хотя строевой подготовкой обычно занимались армейские сержанты.

Эти строевые занятия были самым трудным и несчастливым периодом во всей моей жизни военно-морского курсанта. И совсем не от трудностей муштровки, но из-за жесткого отношения сержантов. Слова, которыми они общались с нами, хотя и не предназначались кому-либо персонально, были столь грубы и вульгарны, что я

порой всерьез задумывался, стоит ли мне продолжать службу в подобной атмосфере.

Помимо обычного армейского строя, мы изучали лабиринты парусной оснастки судов по искусно выполненным моделям этих судов, а также основы гребли на шлюпках. Кульминацией этих шести недель был морской парад, который принимал сам кайзер, приехавший в Киль, чтобы представить военно-морскому флоту своего сына, принца Адальберта, в день его десятилетия. Наш парад, во время которого юный принц маршировал на правом фланге как живое олицетворение события, прошел не совсем гладко, но церемония принятия нами присяги в военно-морской часовне, за которой последовала вдохновляющая проповедь престарелого главного капеллана Ландхельда, была весьма трогательной.

Наша учеба на берегу закончилась смотром, а в мае мы получили долгожданные направления на учебные суда. Я, вместе с 34 моими соучениками, получил назначение на учебное судно «Штош»; другие 35 были направлены на корабль его величества «Штайн».

«Штошем» командовал капитан фон Шукман, но офицером, непосредственно занимающимся нашим обучением, был младший лейтенант фон Штудниц, на «Штайне» его коллегой оказался лейтенант фон Ребёр-Пашвиц. Младшему лейтенанту помогали младший лейтенант Саксер и двое пожилых опытных унтер-офицеров Кние и Гаение. Они держали нас в ежовых рукавицах, но никогда не позволяли себе таких грубых и оскорбительных выражений, которых мы наслушались на берегу. Когда кто-нибудь из нас, мичманов, широко раскрыв глаза от удивления, наблюдал за тем, как Кние ловко взбирается по судовым вантам, тот мог сказать: «Могу тебе пообещать, парень, если я рухну отсюда, то обязательно прихвачу тебя с собой!» Никто из нас не воспринимал эти слова как оскорбление или угрозу; наоборот, подобные высказывания в опасной ситуации создавали некую особую сплоченность. Забота, с которой эти двое служак присматривали за нами во время работы со снастями на реях и показывали нам все известные им приемы обращения с парусами и снастями, заставляли нас смотреть на этих унтер-офицеров совершенно другими глазами.